

Цзян Чицю медленно подошел к панорамному окну, взглянул на фейерверки, которые кто-то запустил неподалеку, и сказал:

— Хорошо, не переживайте, я знаю, как с этим справиться.

После короткого обмена любезностями И Маньмань положила трубку.

Совпадение или нет, но как только И Маньмань закончила разговор, на телефоне Цзян Чицю появился набор цифр, который был одновременно знакомым и чужим.

Это был звонок от семьи оригинального владельца тела.

Цзян Чицю невольно нахмурился, но все же ответил на звонок.

С другой стороны послышался старческий мужской голос, звучавший взволнованно:

— Чицю... Мы не виделись целый год.

Цзян Чицю помолчал, но в конце концов просто сказал:

— Мм.

Как будто боясь, что Цзян Чицю повесит трубку, мужчина поспешно продолжил:

— В этом году мы видели тебя в кинотеатре! Слышал, ты получил много наград, кассовые сборы твоих фильмов растут! Все очень рады... Но, знаешь, в последнее время дома дела идут не очень хорошо. Хотя ты и стал великим актером, но не можешь же ты совсем нас забыть!

Цзян Чицю молчал, но мужчина продолжал:

— Мы все же семья, у нас одна кровь, нельзя забывать свои корни... Если об этом узнают другие, тебе ведь тоже будет неловко, правда?

Это была история, не описанная в «Императоре кино из высшего общества», но глубоко засевшая в памяти оригинального владельца тела.

Оригинальный владелец тела попал в шоу-бизнес, чтобы выплатить долги семье, и после погашения долга разорвал все связи с ними.

Он был публичным лицом с деньгами, и даже без огромных долгов семья не хотела терять

связь с этим «золотым источником» — ведь азартные члены семьи Цзян Чицю в любой момент могли снова оказаться в долгах.

Боясь, что они могут связаться с медиа и шантажировать Цзян Чицю, после вмешательства менеджера И Маньмань стороны пошли на компромисс: теперь они могли связываться только раз в год.

Каждый год в новогодние дни Цзян Чицю получал их звонок, чтобы подтвердить, что он не разорвал связь с семьей.

Но в отличие от прошлых лет, когда звонки были просто проверкой, в этом году мужчина в телефонном разговоре почти прямо намекал: он снова в долгах.

Затем, с другой стороны, мужчина услышал, как Цзян Чицю усмехнулся.

Цзян Чицю помолчал, а затем спокойно спросил:

— Долги не мои, почему мне должно быть неловко?

Авторское примечание: «На тебе его парфюм» [не в этом смысле]

После этих слов Цзян Чицю почувствовал неожиданное облегчение.

Мужчина медленно вернулся на диван и устремил взгляд на экран телевизора.

— Ты? — С другой стороны явно удивились, растянув слово «ты» на долгие секунды, не в силах сказать что-то еще.

Цзян Чицю не повесил трубку, он услышал, как мужчина на другом конце провода постарался успокоить дыхание, а затем, сквозь зубы, сказал:

— Ты сейчас самый известный актер Хуаго, публичное лицо, каждый день общаешься с богачами. Если новости о том, что твоя семья живет плохо, станут известны, ты действительно думаешь, что это никак на тебя не повлияет?

Цзян Чицю усмехнулся. Неужели за год мужчина на другом конце научился слову «публичное лицо»?

Да, это повлияет, но для нынешнего Цзян Чицю это уже не имело значения.

— О... — Цзян Чицю, глядя на экран, безразлично ответил.

Хотя это был мир романа, его персонажи не были лишены эмоций. Когда Цзян Чицю попадал в мир романа, эмоции оригинального владельца тела обычно исчезали, но некоторые особенно сильные чувства оставались.

Например, в прошлой жизни Цзян Чицю чувствовал настойчивое стремление оригинального владельца к исследованиям иммунитета к ментальному удушению. А сейчас он ощущал сильную ненависть и обиду.

Безразличие Цзян Чицю окончательно вывело мужчину на другом конце провода из себя.

Он глубоко вдохнул и резко сказал:

— Цзян Чицю, ты не веришь, что я могу тебя достать?.. Думай несколько дней, я не хочу доводить дело до крайностей!

После этих слов он положил трубку.

В «Императоре кино из высшего общества» не было описания семьи оригинального владельца тела, поэтому, без сомнения, он бы просто заплатил, чтобы замять дело.

Это не было компромиссом ради сохранения имиджа, скорее, это были остатки чувств к семье — он хотел сохранить для них последнюю каплю достоинства.

Но, к сожалению, Цзян Чицю не был оригинальным владельцем тела, и у него не было никаких чувств к этой так называемой «семье».

После звонка Цзян Чицю сразу же отправил сообщение И Маньмань, а затем выключил экран и посмотрел на остывшие блюда на столе.

Цзян Чицю больше не был новичком, которого могли поколебать слова так называемой «семьи». Он не боялся разоблачений. В его понимании, нужно было просто заранее предупредить И Маньмань, чтобы менеджер мог подготовиться.

После звонка хорошее настроение Цзян Чицю было полностью испорчено.

Воспоминания из детства оригинального владельца тела, скрытые глубоко в памяти, снова ожили.

Цзян Чицю взял пару кусочков еды палочками, но быстро потерял к ней интерес.

Программа на телевизоре продолжала быть шумной, но Цзян Чицю, сидящий здесь один, был

совершенно не в духе новогоднего праздника.

Мужчина, босой, сидел, обхватив колени, в углу белого кожаного дивана, уставившись на экран.

В этот момент Цзян Чицю услышал звук скрипки. Он на мгновение задумался, а затем вспомнил, что это звонок его домофона.

Кто мог прийти сюда в Новый год?

Несмотря на все вопросы, Цзян Чицю, услышав мелодию, босиком побежал к двери.

Дом Цзян Чицю был большим, и домофон находился на другой стороне газона. Он нажал на экран домофона, и в следующую секунду увидел на экране неожиданное лицо...

На экране был мужчина в черном кашемировом пальто и толстом сером шерстяном шарфе. На мгновение его лицо выглядело усталым, но его аура ничуть не ослабла.

Это был Шу Бэйюань! Разве он не должен был быть за границей?

Увидев человека на экране, Цзян Чицю на мгновение замер, а затем поспешно нажал кнопку открытия двери.

Через несколько минут Шу Бэйюань тихо постучал в дверь дома Цзян Чицю, и тот, ожидавший у двери, сразу же открыл ее.

— Чицю, с Новым годом, — не дав Цзян Чицю заговорить, мужчина, стоящий у двери, с легким холодом в голосе, поздравил его.

— С Новым годом, — сказал Цзян Чицю, поспешно отступая, чтобы дать Шу Бэйюаню войти. — Проходи...

Пока Шу Бэйюань входил в дом, Цзян Чицю не мог поверить, что наследник клана Шу в Новый год оказался здесь.

Прежде чем Цзян Чицю успел что-то спросить, Шу Бэйюань нахмурился и посмотрел на него.

— Почему ты без тапочек?

Цзян Чицю:...

Цзян Чицю, который сбежал с дивана, был не только без тапочек.

В последнее время Цзян Чицю оставался один дома, и его внешний вид не был его заботой.

Когда дверь открылась, Шу Бэйюань увидел человека, совершенно не похожего на того, кого он знал.

Цзян Чицю был одет в бежевую домашнюю одежду, он давно не делал стрижку, и его волосы заметно отросли.

Такой Цзян Чицю был совершенно не похож на элегантного и отстраненного великого актера, каким его знали все. Он выглядел, как будто вернулся в свои двадцать с небольшим.

Шу Бэйюань воспитывался в строгости, и даже дома он не позволял себе такой расслабленности.

Но, увидев Цзян Чицю, Шу Бэйюань не только не нашел его вид неподходящим, но даже почувствовал, как его сердце смягчилось.

— А... Я забыл, когда спешил, — смущенно сказал Цзян Чицю.

Шу Бэйюань улыбнулся ему и медленно снял шарф.

<http://bllate.org/book/15283/1352876>